

The book cover features a dramatic space scene. A large, metallic, multi-segmented spacecraft, resembling a train or a modular space station, is shown in profile, angled upwards. It is being consumed or attacked by several thick, dark purple tentacles that emerge from a swirling, ethereal purple nebula or energy field behind it. The tentacles have a bumpy, segmented texture and some have small, glowing purple spheres at their tips. The background is a deep black space filled with stars, a bright comet streak, and a faint nebula. The overall color palette is dominated by the deep purples of the tentacles and nebula against the black of space.

Максим Орлов

Певучая тьма

Максим Орлов

Певучая тьма

<https://litres.ru/74391229>

SelfPub; 2026

Аннотация

Космос не просто холоден. Он поёт.

2847 год. На незаконном Фронтире Содружества исчезает колонизаторный корабль «Пилигрим». Нет обломков. Нет сигналов SOS. Только аномальный частотный сбой, от которого плавится металл, а разум тянется в бездну.

Алексей Воронов — циничный пилот-отшельник — не хочет возвращаться в строй. Но адмирал Хейвуд знает его тайну: семь лет назад Воронов уже слышал этот «напев» и чудом выжил. Теперь ему поручают миссию, из которой не возвращаются.

То, что найдёт экипаж «Горгоны», страшнее любой войны. Аномалия не убивает — она ассимилирует, перекраивая плоть и корабли в идеальную, застывшую гармонию. Но главный удар ждёт впереди: древние двигатели Казимира, на которых летает весь флот, — не технология. Это спящие семена Певучих.

Воронову предстоит выбор: сгореть в плазменном огне или раствориться в вечном хоре, потеряв себя. Остаться человеком в мире, который требует идеальности, — значит остаться несовершенным.

Содержание

ПРОЛОГ	4
ГЛАВА ПЕРВАЯ	10
ГЛАВА ВТОРАЯ	21
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Максим Орлов

Певучая тьма

ПРОЛОГ

Глубина: Фронтир, сектор Кейп-Верде

Дата: 12.03.2847 по календарю Содружества

Время: 04:17 станционного

Корабль «Пилигрим», гражданский колонизаторский транспорт класса «Надежда»

Капитан Даля Рессер не верила в призраков. Она верила в цифры, в графики расхода топлива, в точность навигационных расчётов и в то, что любую проблему можно решить, если достаточно долго смотреть на неё не разжимая зубов. За двадцать три года в космосе она видела всё: мятежи на колониях, пиратские налёты, вспышки чумы в герметичных отсеках, безумие изоляции. Но никогда — никогда — она не слышала, чтобы космос *пел*.

— Связь с «Аванпостом-7» всё ещё отсутствует, — доложил навигатор Чен, не оборачиваясь. Его голос звучал слишком ровно, словно он читал строки из плохого сценария. — Попытка ретрансляции через буй «Орион-4» не дала результата. Мы в радиомолчании.

Далия кивнула, хотя Чен этого не видел. Она сидела в кресле командира на мостике «Пилигрима», и кресло это было старым, обтёртым, с пружиной, вылезшей из подушки и упирающейся ей в бедро. Корабль перевозил четыреста семнадцать колонистов в систему Глизе-581, новый мир, который маркетологи корпорации «Терра-Экс» называли «Эдемом Фронтира». Далия знала, что на самом деле это была серая скала с ядовитой атмосферой и бактериями, которые ещё предстояло приручить. Но люди платили за надежду, а она — за деньги. Честная сделка.

— Продолжайте попытки, — сказала она. — И включите полный спектр сканеров. Если это помеха от звёздной активности...

— Это не помеха, — перебил техник Соммерс. Он сидел за пультом связи, и его пальцы дрожали. — Капитан, вы должны это услышать.

Далия повернулась. Соммерс был молод, двадцать шесть от силы, с круглым лицом ребёнка и руками, которые всё ещё помнили о земной гравитации. Сейчас эти руки сжимали наушники так, будто пытались их сломать.

— Что мне следует услышать, мистер Соммерс?

— Я.. не знаю, как это описать. — Он поднял на неё глаза. В них не было страха. Было нечто хуже — благоговение, смешанное с отвращением. — Я записал. Слушайте.

Он нажал клавишу.

Сначала была тишина — та глубокая, вязкая тишина, ко-

торая бывает только в космосе между звёздами. Потом, едва уловимый, возник звук. Не голос. Не сигнал. Не помеха. Это был... напев. Низкий, многоголосый, словно хор из тысяч глоток, распеваящий аккорд, который не должен был существовать в природе. Звук рос, наполняя мостик, проникая сквозь металл и пластик, сквозь кости и мозг. Далия почувствовала, как у неё заныли зубы, как задрожали внутренние органы, словно каждая клетка тела пыталась подстроиться под чуждую частоту.

— Выключите, — прошептала она.

Соммерс не двигался. Его глаза были широко раскрыты, зрачки расширены до предела.

— Соммерс! Выключите, чёрт возьми!

Техник моргнул, словно просыпаясь, и его палец соскользнул с панели. Звук оборвался. Но тишина, вернувшаяся на мостик, была не той, что прежде. Она была натянутой, готовой лопнуть.

— Что это было? — спросил Чен. Его голос дрожал.

— Незвестный сигнал, — ответила Далия, хотя знала, что это ложь. Это не был сигнал. Это было... приглашение.

— Зафиксируйте координаты источника. Мы меняем курс. Уходим отсюда.

— Капитан, — голос Соммерса был тих, почти интимен, — они не стреляют.

— Что?

— Я сказал, они не стреляют. Они поют.

Далия открыла рот, чтобы приказать ему заткнуться, но в этот момент «Пилигрим» содрогнулся. Не от удара. Не от взрыва. От *вытягивания* — словно невидимая рука схватила корабль за корму и потянула. Гравитация на мостике дрогнула, металл заскрипел, застонал. Панели освещения лопнули, брызнув искрами.

— Двигатели на максимум! — крикнула Далия. — Полный отрыв!

— Двигатели не отвечают! — отозвался Чен, цепляясь за пульт. — Капитан, мы не движемся, но скорость растёт!

— Это невозможно.

— Смотрите в иллюминатор!

Далия подняла голову. Через основной выюпорт мостика открывался вид на звёздное поле — обычное, знакомое, усыпанное точками света. Но теперь эти точки двигались. Нет. Не двигались. Они *плыли*, словно роса по стеклу, стекая к одной точке прямо перед носом «Пилигрима». И в той точке, в той черноте, которая должна была быть пустой, появилось нечто.

Далия не смогла бы описать это, даже если бы у неё осталось время. Она увидела... складки. Складки в самой ткани пространства, словно кто-то сомнул звёздное небо в кулаке. И через эти складки просачивался свет — не звёздный, не солнечный, а другой, болезненно-фиолетовый, пульсирующий в такт напеву, который всё ещё звучал где-то в глубине её черепа.

— Связь! — крикнула она, хотя знала, что это бесполезно.
— Маяк! Аварийный маяк!

Соммерс нажал кнопку. Красная лампочка на его пульте замигала — сигнал уходил в никуда, в пустоту, в пение.

— «Пилигрим» колонизаторный транспорт, — голос Далии был странно спокоен, словно кто-то другой говорил через её рот. — Мы подверглись... подверглись нападению. Координаты... координаты... — она посмотрела на панель, но цифры плыли перед глазами. — Мы не знаем, что это. Повторяю, мы не знаем, что это. Они не стреляют. Они...

Мостик содрогнулся в последний раз. Не от удара. От *объятия*. Далия увидела, как металл стенок мостика начал... расти. Да. Расти, словно ржавые цветы, распускаясь в замедленной съёмке. Швы между панелями разошлись, но не разгерметизировались — наоборот, из них выползли щупальца из сплавов и проводов, сплелись в густые косматые жгуты.

Последнее, что увидела капитан Далия Рессер, — это лицо Соммерса.

Техник улыбался. Широко, счастливо, как ребёнок, впервые увидевший снег. И его губы шевелились, повторяя слова песни, которую он слышал в голове.

Потом на «Пилигриме» стихли вибрации. Остался лишь треск остывающего металла и стук собственного сердца в перепонках

Доклад оперативной службе «Аванпоста-7»

Классификация: СЕКРЕТНО. КОД «ЧЁРНЫЙ ЛЕБЕДЬ»

Время получения сигнала: 04:23

Статус: Корабль «Пилигрим» потерян. Последняя запись прикреплена.

Рекомендация: Немедленная отправка поисково-ударной группы.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Кость и Пепел

Станция «Аванпост-7» напоминала собаку, которая слишком долго жила на цепи.

Она была грязной, обшарпанной, пропитанной запахом пота, машинного масла и дешёвого синтетического табака. Её коридоры, вытянутые вдоль центробежного кольца, изгибались под ногами, словно рёбра умирающего животного. Свет здесь никогда не был дневным — он мигал, дрожал, умирал на несколько секунд, чтобы вернуться с новой долей жёлтизны.

Алексей Воронов ненавидел «Аванпост-7». Но он ненавидел её меньше, чем всё остальное.

Он сидел в баре «Космопорт», который был ни космопортом, ни баром, а скорее ямой в брюхе станции, где сходились потоки пилотов, грузчиков, наёмников и тех, кого называли «фронтами» — людей, для которых закон Содружества был шуткой, а закон выживания — единственной реальностью. Воронов пил синтетический виски, который горел во рту, словно растворитель, и смотрел на голографический экран, где транслировались новости из Центральных Миров.

«...премьер-министр Содружества Айрис Ван-Хоутен заявила о необходимости усиления контроля над Фронтиром

в свете последних событий. По её словам, незаконные колонизации и пиратская активность угрожают стабильности...»

— Стабильности, — пробормотал Воронов и отпил. Жидкость оставила на языке привкус гари.

— Ты снова разговариваешь с экраном, Лёшка. — К нему подсел мужчина в потёртой форме техника. Его звали Гришин, и он был единственным человеком на станции, которого Воронов терпел. — Это первый признак безумия. Или второй. Я уже забыл порядок.

— Первый — это когда ты начинаешь отвечать себе, — сказал Воронов, не оборачиваясь. — Второй — когда начинаешь спорить.

— А третий?

— Третий — когда понимаешь, что спор выиграл.

Гришин хмыкнул и заказал себе то же, что и у Воронова. Бармен — киборг с заменённой левой рукой и глазом цвета мутного нефрита — налил без лишних слов. На Фронтире не спрашивали имена. Не спрашивали прошлого. Это было частью негласного контракта.

— Слышал про «Пилигрим»? — спросил Гришин, принимая первый глоток и морщась.

— Не слышал.

— Пропал два дня назад. Колонизаторный транспорт, четыре сотни пассажиров. Шёл через Кейп-Верде. Связь оборвалась посреди переговоров с диспетчером. Как будто его выключили.

Воронов наконец отвёл взгляд от экрана. Его лицо было узким, с суровыми скулами и шрамом, пересекающим левую бровь — сувениром от взрыва кабины истребителя семь лет назад. Глаза — серые, с примесью голубого, как лёд на дне забытого колодца — смотрели безо всякого выражения.

— Пираты, — сказал он.

— Вот и я так подумал. Но «Аванпост» молчит. Официально — технические работы. Неофициально — флот Содружества собирает ударную группу. Зачем, если это просто пираты?

— Потому что четыре сотни гражданских — это политика. Потому что Содружество ищет любой повод втиснуть сюда больше кораблей. Потому что...

Он замолчал. В дверях бара появились двое в форме флота Содружества. Не станционной охраны — настоящие, с шеvronами и блестящими пуговицами, с оружием на бедре и взглядами людей, которые знают, что мир делится на тех, кто отдаёт приказы, и тех, кто их выполняет.

Они осмотрели бар одним взглядом. И остановились на Воронове.

— Капитан Алексей Воронов? — спросил старший. Молодой. Слишком молодой для своих погон. Лейтенант, которому дали временное звание, потому что настоящих офицеров не хватало.

— Я в запасе, — сказал Воронов, не вставая. — Или вы не видите шеврона на воротнике?

— Мы видим. — Лейтенант сделал шаг вперёд. — Контр-адмирал Хейвуд требует вашего присутствия на брифинге. Немедленно.

— Хейвуд? — Воронов отпил остатки виски. — Старый Хейвуд ещё жив? Я думал, он умер от цирроза ещё при Границе Красной Пыли.

— Контр-адмирал жив и здоров, капитан. И он не привык ждать.

Воронов вздохнул. Он знал, что спор бесполезен. На Фронтире можно было послать кого угодно куда угодно, но не людей в форме флота Содружества. Особенно не тогда, когда они пришли за тобой лично.

— Гриш, — он повернулся к технику. — Если я не вернусь за два часа, забирай мои вещи из камеры хранения. Продавай. Выпей за меня.

— А если вернёшься?

— Тогда выпей со мной. И попробуй найти виски получше. Это дерьмо убивает вкусовые рецепторы.

Брифинг проходил не на «Аванпосте-7», а на борту флагмана флотилии — линейного крейсера «Неумолимый», который висел в стыковочном доке станции, словно гигантский стальной кит, заглатывающий планктон. Воронов прошёл через шлюзовую камеру, почувствовав знакомый запах военных кораблей: озон, смазка, дезинфектор и под ними — едва уловимый аромат страха. Даже на линкорах, даже на флаг-

манах люди боялись. Просто прятали это лучше.

Его провели в конференц-зал, который назывался «оперативной рубкой», но был по сути театром с одним зрителем. За длинным столом из чёрного полимера сидел контр-адмирал Хейвуд.

Старый Хейвуд. Да, он был жив. И да, он выглядел так, словно смерть уже несколько раз заходила к нему в гости, но каждый раз уходила, не дождавшись, пока он нальёт ей выпить. Его лицо было желтоватым, с прожилками разбитых капилляров, глаза — влажными и пронизывающими. На шее, под воротником формы, виднелись шрамы от старой операции — замена сонной артерии, вспомнил Воронов. Или что-то хуже.

— Садись, Воронов, — Хейвуд не встал. Его голос был хриплым, словно он говорил сквозь песок. — Ты пьёшь?

— Закончил.

— Жаль. Мне нужны трезвые люди, но мне *нравятся* пьяные. Они честнее.

Воронов сел. Стул был неудобным — военный стандарт.

— Четыре дня назад, — начал Хейвуд, не тратя время на прелюдии, — колонизаторный транспорт «Пилигрим» вышел из гиперперехода в точке Кейп-Верде-7. Стандартная процедура: доклад диспетчеру, коррекция курса, активация маяка прибытия. Через шестнадцать минут связь оборвалась. Маяк замолчал. Сканеры «Аванпоста» зафиксировали вспышку в спектре гамма-излучения, после чего — ни-

чего. Никаких обломков. Никаких сигналов бедствия. Никаких пиратских переговоров.

— Взрыв двигателя? — спросил Воронов.

— Нет. Мы отправили разведывательный корвет «Сокол». Он вернулся три часа назад.

Хейвуд нажал кнопку на пульте. Стена за его спиной ожила, превратившись в голографический экран. Воронов увидел космос — обычный, тёмный, усыпанный звёздами. И посреди этого космоса — обломки.

Но это были не обломки корабля. По крайней мере, не такие, какие он видел раньше.

— «Сокол» обнаружил это на координатах последнего сигнала «Пилигрима», — продолжил Хейвуд. — Обломки разбросаны на площади в тысячу квадратных километров. Но они... неправильные.

Воронов встал и подошёл ближе к экрану. Он видел обломки — куски металла, сплавов, пластика. Но их формы были... органическими. Они изгибались, как кости, сплетались, как ветви деревьев, образовывали структуры, которые не имели права существовать в невесомости. Некоторые куски *пульсировали* — медленно, ритмично, словно сердца в состоянии анабиоза.

— Это остатки «Пилигрима»? — спросил он, хотя уже знал ответ.

— Да. И нет. — Хейвуд выключил изображение. — Наши эксперты не могут определить, что произошло. Металл под-

вергся какому-то... воздействию. На молекулярном уровне. Сплавы перекристаллизовались, образовав структуры, которые мы не можем объяснить. И ещё кое-что.

Он бросил на стол маленький металлический цилиндр — регистратор чёрного ящика.

— Это единственное, что «Сокол» смог забрать. Запись с мостика «Пилигрима». Последние минуты.

— И?

— Послушай сам.

Хейвуд нажал кнопку. Из динамиков полился звук — тот самый напев, который слышала Далия Рессер за мгновения до конца. Но здесь, в металлической рубке «Неумолимого», он звучал иначе. Громче. Ближе. Словно сама рубка начала петь.

Воронов почувствовал, как у него заплясали мурашки по спине. Не от страха. От *узнавания*. Словно он слышал эту мелодию раньше. В другой жизни. В другом сне.

— Выключите, — сказал он резче, чем хотел.

Хейвуд выключил. Тишина, вернувшаяся в рубку, была густой и тяжёлой.

— Ты слышал это раньше, — это был не вопрос.

— Нет.

— Врёшь, Воронов. Я вижу это по твоим глазам. Ты слышал. Где?

Воронов молчал. Он думал о войне. О «Границе Красной Пыли», где флот Содружества столкнулся с флотили-

ей Фронтيرا. О трёх днях боя, когда вокруг гибли корабли, а космос был усыпан обломками, словно мёртвым снегом. О том моменте, когда его истребитель «Горгона» потерял управление и начал кружиться в пустоте, и он, задыхаясь, с поломанным ребром, слышал... что-то. В радиоприёмнике. В голове. Напев. Тихий, далёкий, зовущий.

Он никому не рассказывал об этом. Врачи списали на кислородное голодание. Он сам почти поверил.

— На войне, — сказал он наконец. — При Границе. Перед тем как меня подобрала спасатели.

Хейвуд кивнул, словно это подтвердило его худшие опасения.

— Мы называем их «Певучие», — сказал он тихо. — Неофициально. Официально они не существуют. Но за последний год на Фронтире пропало семнадцать кораблей. Гражданских, военных, пиратских — без разбора. Все — в этом секторе. Все — после того как связные зафиксировали аномальный сигнал.

— Что вы хотите от меня? — спросил Воронов.

— Ты лучший пилот, которого я знаю. И ты единственный, кто слышал их *и выжил*. — Хейвуд встал. Его руки упирались в стол, и Воронов заметил, как они дрожат. Не от старости. От ярости. Или от страха. — Я формирую ударную группу. Мы летим к обломкам «Пилигрима». Нам нужно понять, что это. И если нужно — уничтожить.

— Почему я? У вас есть сотни пилотов.

— Потому что ты не боишься умирать, Воронов. Я видел твою послужную карту. Три раза ты оставался в гибнущих кораблях, потому что считал, что должен прикрыть эвакуацию. Три раза тебя вытаскивали из разбитых кабин, как мешок с костями. Ты не боишься смерти. А они... — он кивнул на регистратор, — они чем-то питаются. И я думаю, что страх — их любимое блюдо.

Воронов посмотрел на свои руки. Они были в шрамах — ожоги от электропроводки, порезы от осколков, следы от хирургических швов. Руки человека, который должен был умереть много раз, но каждый раз возвращался.

— У меня есть условие, — сказал он.

— Назови.

— Мой корабль. «Горгона». Она в ремонтном доке станции, ждёт утилизации. Я хочу, чтобы её восстановили. Полностью.

— Сделано.

— И ещё кое-что. — Воронов поднял глаза. — Если мы столкнёмся с... с ними. Если всё пойдёт не так. Вы не оставите моих людей. Никого. Даже если приказ будет — отступить.

Хейвуд долго смотрел на него. Потом протянул руку.

— Договорились, капитан. Добро пожаловать обратно на службу.

Воронов вышел из рубки и чуть не столкнулся с женщи-

ной, стоявшей у двери. Она была моложе его — лет тридцати, с короткой тёмной стрижкой, в белом лабораторном халате, который выглядел на фоне серых стен корабля чужеродно, словно цветок на кладбище.

— Капитан Воронов? — она протянула руку. Пальцы были длинными, с узлами от письма на планшете — редкость в эпоху нейроинтерфейсов. — Майя Сорокина. Научный офицер ударной группы. Ксенобиолог.

— На Фронтире нет ксенобиологов, — сказал он, не пожимая руки. — Потому что на Фронтире нет ксено. Только люди, пытающиеся убить других людей.

— Возможно, — она не убрала руку, — именно поэтому меня и взяли в группу. Чтобы проверить, остаётся ли это правдой.

Он всё-таки пожал ей руку. Её ладонь была холодной.

— Вы слышали запись, — сказала она. Не вопрос.

— Да.

— И что вы почувствовали?

Воронов хотел соврать. Сказать «ничего». Но в глазах этой женщины — тёмных, с примесью зелёного, как мох на мокром камне — было что-то, что не терпело лжи.

— Я почувствовал, — сказал он медленно, — что меня зовут домой. Но дома, откуда я родом, больше нет.

Майя кивнула, словно он подтвердил её теорию.

— Тогда мы полетим вместе, капитан. И, возможно, узнаем, чей это дом.

Она повернулась и ушла по коридору, её халат развевался за спиной, словно парус. Воронов посмотрел ей вслед, и в первый раз за много лет почувствовал нечто, похожее на любопытство.

Или на страх. Он уже не мог различить.

Воронов допил виски, поморщился от привкуса гари и встал. Впереди была «Горгона». Старая, упрямая, вся в шрамах, как и он сам. Он не знал, что ждёт их в Кейп-Верде, но знал одно: если они полетят туда, кто-то из них не вернётся. Он вышел из бара, и тяжёлая гермодверь с лязгом захлопнулась за его спиной, отрезая путь назад.

Продолжение следует...

ГЛАВА ВТОРАЯ

Нуль-резонанс

Переход закончился не со вспышкой, а со щелчком. Как будто кто-то стукнул по корпусу «Горгоны» молотком изнутри. Воронов почувствовал это не ушами — он давно отключил нейроинтерфейс, оставив в затылке мёртвый кусок кремния и золота, — а кожей. Корабль вздрогнул, и его собственное тело отозвалось тем же: ладони на штурвале вспотели, позвоночник судорожно выпрямился, словно ветеран, услышавший звук артиллерийского орудия.

Без нейросети пилотирование было похоже на вождение грузовика в слепую. Он видел приборы — голографические цифры, плывущие в воздухе над консолью, — но не чувствовал корабль. Не чувствовал, как греются двигатели, как дрожат крылья, как потоки плазмы бьются о внутренние стенки реактора. Раньше, до Границы Красной Пыли, он знал «Горону» так же, как знаешь собственные руки. Теперь между ним и машиной была пропасть. Он выбрал пропасть. Потому что за пропастью не слышно Пеня.

— Выход на маневровые двигатели, — сказал он вслух, хотя команда была избыточной. Компьютер и так слушал. Но Воронову нужно было слышать человеческий голос. Свой собственный.

— Подтверждаю, — отозвался Гришин с правого кресла.

— Маневровые активны. Стабилизация по трём осям. Готовимся к пассивному сканированию.

Гришин работал быстро, методично, с привычкой человека, который двадцать лет чинил то, что другие ломали. Его пальцы, покрытые татуировками из старых схем и серийных номеров, танцевали по пульту оружейных систем. Он не использовал нейроинтерфейс никогда — даже в молодости, ещё до того, как стало модным отказываться. Говорил, что не хочет, чтобы «какая-то древняя железяка шарила в его голове». На Фронтире таких было много. Люди, которые не доверяли технологиям, которые не могли починить.

— Капитан, — голос Майи вырвал его из раздумий. Она была в научном модуле, пристыкованном снизу, и её голос звучал с лёгким металлическим привкусом — помехи от экранирования капсулы. — Я фиксирую аномалию ещё до полного выхода. Спектр гравитации... он неправильный. Как будто масса там, но пространство не изогнуто. Оно... сложно.

— Сложено? — Воронов хмыкнул. — Это научный термин?

— Это единственный термин, который подходит. — Она не улыбнулась. В её голосе не было юмора — только та острая, почти голодная концентрация, которую он видел у артиллеристов перед залпом. — Если вы мне не верите, включите нейросеть на три секунды. Три секунды, капитан. Вы увидите то, что сканеры не ловят.

— Нет.

— Я не прошу вас «открыть дверь». Я прошу вас заглянуть в замочную скважину.

— Замочная скважина — это тоже дверь. Только для меньшего демона.

Гришин фыркнул, но не отвлекся от калибровки плазменных пушек. Он проверял, как реагирует оружие на «органический» металл — по данным Хейвуда, стандартные заряды просто впитывались обломками. Как вода в губку.

— Лёш, — сказал Гришин, не поднимая глаз, — она права. Не в том смысле, что тебе стоит рисковать. А в том, что без полной картины мы летим вслепую. Я могу подключиться. У меня старая модель, серии К-12. Она глухая к ультра-высоким частотам. Если Пение и попадёт — я услышу только гул.

— Исключено.

— Почему?

— Потому что ты единственный, кто знает, как починить эту посудину, когда я её разобью. И потому что я не хочу смотреть, как ты улыбаешься пустоте.

Гришин наконец поднял голову. Его взгляд встретился с взглядом Воронова. Они не были друзьями в привычном смысле — они не пили вместе, не делились воспоминаниями, не обнимались при встрече. Но они знали друг о друге то, что знают люди, выжившие в одной яме. Гришин знал, что Воронов не спит без таблеток. Воронов знал, что Гришин

хранит в ящике стола фотографию дочери, которую не видел пятнадцать лет.

— Хорошо, — сказал Гришин тихо. — Тогда летим как есть.

Пространство вокруг корабля схлопнулось. Не метафорически — Воронов увидел, как звёзды за иллюминатором дернулись, словно кадры в старом кинофильме, и застыли. Непространство отпустило их. И перед ними открылось то, ради чего они прилетели.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.